

Валерий Дунаев

Переходный момент

Валерий Дунаев

Переходный момент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11277671

ISBN 978-5-4474-1560-0

Аннотация

Действие повести происходит в 1986 году в России. Максим, сомневающийся в себе молодой человек, возвращается домой, отслужив срочную службу. В поезде встречает девушку Марусю, сбежавшую из дома. В силу обстоятельств они оказываются вдвоем в необжитых лесах Карелии, не зная, как действовать в такой обстановке. Обладая разными взглядами на жизнь, вынуждены друг с другом общаться. В таких условиях Максим пытается познать самого себя и смысл своего существования.

Содержание

1 глава	5
2 глава	17
3 глава	30
4 глава	52
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Переходный момент

Валерий Дунаев

© Валерий Дунаев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

1 глава

Кто это умер? Чья скорбь в этой музыке бьется?
Вечер, продрогший, сиротски к обочине жметяся.
Серый туман на холодные камни ложится.
Вправду ли это туман или праха частица?

Или звенят, разбиваясь о землю, горячие слезы?
Птицы распуганы, сломаны ветки березы.
Что же пророчит нам свет этот зыбкий?
Чьи это губы такой исказились улыбкой?

Кто это умер? Кто спицы колес катафалка вращает?
Где этот край, что навеки ушедших от нас поглощает?
Кажется, что до последнего дома знаком этот город.
Только мгновенье – и нет ничего.
Лишь пустыня и холод.

Кажется, что до последней морщинки знакомы
на улице лица.
Только мгновенье – глухое безлюдье
вокруг воцарится.
Только с небес на вечернюю землю
мороз наползает.
Хижину тела покинув,
душа замерзает.

Стихны порывистый ветер, уйми свои
черствыи руки.

Хоть на мгновенье прорви одиночество
этих мгновений

Флагами смерти топорщатся воронов
черныи тени.

Пляшут над тем, кого нет уже больше
на свете...

ОН отложил в сторону эту, случайно у него оказавшуюся, книжку сборника стихов разных поэтов. ОТЛОЖИЛ. В СТОРОНУ. Странные слова. Со странным их взаимодействием. Курица тоже откладывает яйца. Только не в сторону...

...Эти стихи чем то задели его, тронули в душе детскую печаль и ощущение неизбежности, когда, как не извращаясь, изменить ничего нельзя. ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ. КРАЙ. ЧТО УШЕДШИХ ПОГЛОЩАЕТ... Интересно, там что? И есть ли этот край? И поглощает ли? А они есть? Те, кто уходит? Или их уже нет? Нет нигде. Ни здесь ни там. Или есть везде? Тишина и покой, суета и нестабильность. Край там, край здесь. Непонятно и тоскливо...

Максима вдруг охватили такие мысли, лезущие одна на другую, цепляясь своими кривыми лапками за волосатые тельца своих товарищей-мыслей. Он пребывал во власти, посетивших его, раздумий, меланхолично уставившись в окош-

ко вагона, находясь в, несущемся по поверхности земли, поезде. А размеренное постукивание колес и плавное покачивание вагона ненавязчиво подталкивали его к этим, вроде беспричинным, размышлениям.

...ХИЖИНА ТЕЛА... ДУША ЗАМЕРЗАЕТ.

Вот его друг Виталик. Он ведь чуть ли не воплощение взрывной радости, неистребимого жизнелюбия, неиссякаемой энергии. С пронзительно искрящимися глазами, полным лучистого света лицом. А во взгляде-нескрываемая хитрость ума. Да. Его друг. Товарищ по, законченной теперь, службе в армии. Товарищ с большой буквы. Выручал Максима из множества мелких и некоторого количества крупных неприятностей. Но, может, неприятностями все эти казусы называть довольно громко... Может эти неприятности значимы только для него, а для остальных ничего незначащая ерунда, но все же...

...ВСЕ ЖЕ...

Моральная поддержка, подставление дружеского плеча в Виталике присутствовали. А это немало значит в условиях, чуть ли не суровой, срочной службы. Суровой для того, кто к этой службе ну совсем не имеет ни стремления, ни предназначения. Ни физически, ни духовно.

То есть не подходит по всем показателям. Вот, при всем этом, нужны такие, как Виталик таким, как Максим...

...ВИТАЛИК... Этот жизнерадостный, оптимистический человек... ОН ЖЕ... ОН ЖЕ ПОТОМ ЛЕЖАЛ НА ПОЛУ...

Ночью. В туалете. Максим его первый обнаружил. Некогда живые и светящиеся глаза Виталика были открытыми. Но живыми и светящимися их было трудно назвать. ОНИ **ВООБЩЕ НИКАКИМИ НЕ БЫЛИ**. Ничего не выражали. А только выглядели. Застывшими. Нарисованными. Ненастоящими.

Как будто закрылись ворота и перестал течь поток энергии. А на воротах – изображение радужной оболочки коричневого цвета и на ней черные точки-зрачки, символизирующие окончание. **ВСЕ. КОНЕЦ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЗАКОНЧЕНО**. А мысль? Оборвана? Исчерпана? Или переметнулась в другое русло?...

...Виталик умер... Как потом установили-остановилось внезапно сердце. Как это нелепо звучало и звучит сейчас! Виталик, что механизм?! Он жизнь излучал! А тут... Сердце остановилось. Кровь застыла. Мозг потух. Легкие спустились. Тело оцепенело. Как техника какая то... Виталик не механизм. Он живой... **БЫЛ**... И нет больше шуток, смеха, разговоров. И руки письма не пишут. И глаза письма не читают... Это означает – смерть. Что-то неопределенное и ожидаемо-волнующее.

НЕТ БОЛЬШЕ НА СВЕТЕ... А где есть? Нигде?... Или все-таки где-то? На свете... А в темноте? Максим не знал ответы на такие вопросы. Они, конечно, задавались им самим ему же самому. С самого детства. С момента гибели родителей. Но тогда, десять лет назад, все было по-другому. То-

гда он был ребенком. Да и не видел неживых родителей. Их просто перестало быть...

...А вот друга он видел неживым. И помнит ощущение горечи в горле и опустошения в голове... Непостижимо это – Виталик больше не чувствует... Не видит... Не думает...

...А вот они... ОНИ ВСЕ... Которые другие... Они..

Максим, охваченный такими размышлениями, повернул голову от окна, оглядел пространство плацкарта с его, строго законченными, контурами, посмотрел на соседа напротив, увлеченно занятого поглощением ужина... ВОТ ОН... Жует, видите ли, свою курицу... Тоже когда-то бегавшую по траве и поглощающую всяких червяков. Жует курицу... Жует с отстраненным видом. Как будто в этот момент достиг понимания сути мироздания... ЖУЕТ... Мелкие капли пота на полулысом черепе. БЛЕСТЯТ. Как будто божья роса осела на его продуманную лысую голову. Ишь вздыхает! Носом. С шипящим свистом, вылетающим из ноздрей. Вместе со свистом из ноздрей вылезали мокрые мелкие волосики. И не замечая всех этих, как бы ничего незначащих, подробностей брови, узорно сплетавшиеся между собой, выписывали между лбом и глазами чудаковатые изгибания, как ленточные черви...

...Ну давай еще в зубах поковыряйся своими жирными пальцами. Или в нос засунь себе эти пальцы... ЖУЕТ ОН... КУРИЦУ...

– А может мы с Вами, молодой человек, пропустим по рю-

мочке коньячка? Как Вы на это смотрите?

Этот вопрос вывел Максима из оцепенения. Максим сначала увидел открывающийся рот соседа напротив, освобожденный уже от жевательной работы, затем услышал звуки, оказавшиеся словами.

Да. Максим вдруг осознал, что к нему ОБРАЩАЮТСЯ, начал быстро возвращаться в окружающую обстановку и ему стало, почему-то стыдно за свои мысли, за, невесть откуда взявшуюся, злость объектом которой совершенно случайно стал его, ни в чем неповинный, сосед напротив...

– Что? – осторожно поинтересовался он у соседа, – Вы мне?

– Конечно Вам, молодой человек! – располагающе-радостно воскликнул полулысый сосед по плацкарту, – Вы сидите передо мною, а больше рядом никого нет. Так как?

– Что как? – Максим с трудом возвращался из своих раздумий в повседневность.

– Как насчет коньяка? Не против?

– Не против конька..., – тихо и медленно проговорил Максим, как будто стараясь вникнуть в значение этих двух слов. И дальше, не задумываясь:

– Да, да конечно... Или нет, конечно... Я сейчас... Схожу покурить... В тамбур...

Максим поднялся, взял из военного кителя сигареты, спички да побрел в сторону тамбура...

...Сосед напротив, предлагающий коньяк, почесал нос

и проборчал все так же располагающе-радостно:

– Только не забудьте вернуться. Я просто так от Вас не отстану.

Не отстанет. Просто так. Еще больше покроется капли блестящего божественного пота...

...И пошел Максим, неосознанно осматривая пассажиров в вагоне... Все жрут... Сидят... Смотрят в окна, обрабатывая свои мыслительные процессы... Смотрят на него, идущего по коридору вагона. Изучают вскользь. Через секунду забудут про него, проходящего мимо. Покурить. Вот такие мелкие, но важные задачи выполняются ежеминутно в мозгах и теряются во времени...

* * *

А что же он, Максим Солдатов, из себя представляет? Да еще с такой, отдающей суровостью, стойкостью, бесстрашием фамилией? С такой фамилией и такой чуждый всего составляющего военную специфику. А у матери его фамилия, до замужества с его отцом, звучала совсем не звучно. Неизвестная. Прямо так и звучала. То есть он, взявши фамилию матери, назывался бы Максим Неизвестный. А так Максим Солдатов. Все получше. Ну а если совместить обе фамилии, то получается и вовсе ерунда. Получается Неизвестный Солдатов. А значит Неизвестный Солдат. Смешно, да? Впрочем, кроме него самого и, еще пока живой, бабушки (матери от-

ца) никто о таком сочетании фамилий его личности не знает. Знал отец. У него это вызывало улыбку. И знала мама. Та вообще смеялась. Ведь у нее выходило еще забавней. Незвестная Солдата. Полная смехотворная ахиня. Потому как слова «солдат» в женском роде не существует. Разве что солдатка. Но это уже не то...

...Но папы с мамой нет больше в живых... Погибли... В горах. Или не погибли. Просто исчезли. Канули в неизвестность... Пропали. Их не нашли. То ли с гор сошла снежно-каменная лавина, то ли они упали в подземную пещеру и унесли их подземные воды в небытие, в другие миры... Доподлинно неизвестно. Ясно одно – их больше нет... А бабушке не смешно от сочетания двух фамилий. Она жила в, своей эпохальной, с определенными аристократическими правилами, жизни. И привить всяческие манеры пыталась тогдашнему ребенку Максиму. Ему пришлось жить с ней и в себя впитывать ее воспитание. Она не то чтобы учила его и воспитывала. Она в него ВТАЛКИВАЛА образ жизни, образ поведения, образ мыслей, которые она считала наиболее верными, приемлимыми и допустимыми.

Родители его были молодыми, энергичными. Жили в науке и ради науки. Ничто их не страшило. Очень уверенные в себе. Ради достижения цели ни с чем не считались, себя не жалели. Вот и для подтверждения существования вездомной цивилизации, существовавшей в ужасающе древние времена, полезли в горы вдвоем... Ну и исчезли...

У бабушки же было все по-английски чопорно, не нарушая извечных традиций. И главное не высовываться, не влезать во всяческие опасные предприятия... Так что вырос Максим не совсем в себе уверенным, физически не выдающимся, но духовно развитым. С пониманием принятых понятий о добре и зле.

...Крошка сын к отцу пришел и спросила кроха: «Что такое хорошо? И что такое плохо?» Вот и Максим стал, как тот знаменитый крошка-сын, которому отец доходчиво объяснил про хорошо и плохо. Только Максиму втолковала про эти понятия бабушка, к которой он совсем даже и не подходил с такими витиеватыми вопросами. Зато четко для себя уяснил: Хорошо – это скромность, учтивость, соблюдение этикета, уважение к старшим. Плохо – это плевать, ковырять в носу и зубах, ругаться матом, драться, похабно относиться к противоположному полу вообще и в частности. Максим с детства проявлял тягу к прекрасному. В его случае к художеству. Рисованию. Ну и, обладая художественным восприятием мира, любил, наблюдая за звездами, помыслить о сущности бытия. Также восхищался красотами архитектуры. Благо жил он в городе Ленинграде, где таковых красот хватало. А ко всему, что связано с насилием, имел сугубо отрицательное отношение. К войне и ко всему, что с ней связано в том числе. И после окончания средней школы (где проявлял успехи только в русском языке, литературе, рисовании, музыке) пошел учиться в художественно-ре-

месленное училище. С большого одобрения бабушки, если не с подталкивания. Чтобы потом реставрировать церкви. То есть СВЯТЫЕ ХРАМЫ ГОСПОДНИ. Пусть даже в 80-х годах XX века такая профессия несколько не в моде. Может и шло бы дальше все спокойно, тихо-мирно, как по маслу, без особых нежелательных событий. Да заподозрил Максим к 18ти годам, что им откровенно манипулирует бабушка, навязывает ему свое мнение указывает пути-дороги на будущее. А, откровенно говоря, Максим совсем уже не имел своего миропонимания. Как поступать в той или иной ситуации, как правило, надо было узнавать у бабушки. Ее словам отдавался наибольший приоритет. БАБУШКИН СЫНОК. Именно такое прилагательное к своему существительному стало прилагаться постепенно к Максиму. Началось им замечаться несоответствие взглядов бабушки со взглядами иного общества. ИНЫЕ – это студенты художественно-ремесленного училища, пресса. То есть представители другой, более обширной, чем его узконаправленная, жизни.

Максима стала внутренне напрягать его неспособность поступать по собственным взглядам и убеждениям, которые, в принципе, четко в нем еще не были сформированы. И вот пришла пора идти в Советскую Армию. Отдавать долг Родине. Максим далек от осознания того, что каждый мужчина должен уметь воевать, прицепляя на себя почетное звание «ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА». Но, не смотря на это и на то, что бабушка, задействовав свои богемные связи, ре-

шила оградить внука от такого мракобесия, как воинская повинность, он проявил неслыханный мужской поступок. Отказался избегать воинской повинности. **ПОЖЕЛАЛ СЛУЖИТЬ РОДНОЙ СТРАНЕ...** И тем самым стать настоящим мужчиной. К великой печали бабушки...

...И вот середина мая 1986 года. Природа начала возрождаться после зимней спячки, а страна разрушаться. Максим Солдатов, рядовой войск связи, благополучно отслужив 2 года, возвращался домой в Ленинград. Плохо или хорошо служилось ему на севере? Всякое бывало у, состоявшего на должности полкового писаря, рядового Солдатова. И теперь он возмужавший, повзрослевший и научившийся думать самостоятельно, ожидал встречи с **НОВОЙ ЖИЗНЬЮ**. С огромным выбором путей-дорог и с незнанием того, что бабушка день назад скончалась...

...Так и проносились мысли в голове у Максима, когда он молча курил в тамбуре, едущего в Ленинград, поезда. **МОЛЧА КУРИЛ...** Даже курить стал. Проявил еще один мужской поступок... И **ЧТО ГРЯДУЩЕЕ ГОТОВИТ? И ЧТО НЕСЕТ В СЕБЕ НЕВЕДОМАЯ ВЗРОСЛАЯ ЖИЗНЬ?** Сколько счастливых и несчастливых минут предстоит пережить? Теперь то Максим в себе уверен. Наверное. Уж теперь заживет как надо. А **КАК НАДО?** Уж теперь разберется во всех изгибах жизненных тропинок. Ну а пока нужно всего лишь доехать до дома. Показать себя, настоящего мужчину бабушке... **ВСЕГО ЛИШЬ ДОЕХАТЬ...** Ни-

чего особенного... Рядовое событие для рядового Солдато-
ва... Это он и есть сейчас Неизвестный Солдат. Только поче-
му неизвестный? Потому что о нем таком никто еще не знает
в родном городе. Ничего. Узнают. Удивятся.

И станет он ИЗВЕСТНЫМ. ВНОВЬ ОТКРЫТЫМ. ВОЗ-
РОДИВШИМСЯ. Пока еще солдатом... Какое то время...

...Максим улыбнулся и затушил сигарету...

2 глава

Он сразу обратил на нее внимание. Пока быстрое, мимолетное, но вполне себе отчетливое. На эту девчонку лет пятнадцати в, облегающих фигуру синих джинсах, модной светлой курточке с полужасученными рукавами, с растрепанной прической не очень длинных темно-русых волос; с, бросающимся в глаза, острым бегающим взглядом.

Взглядом, враждующего с этим ничтожным миром, взбунтовавшегося подростка. Она прошла, почти проскочила, мимо, но, тем не менее, цепко осмотрела самого Максима и, окружающую его, обстановку.

«Девчонка какая то... Необычная...» – промелькнуло у того в голове и улетучилось в тайники памяти. Да потихому как то сжалось сердце от осознания чего то неизбежного...

...Протекал неспешный разговор полулысого соседа по плацкарту (как стало известно Акима Петровича) с, уже бывшим, но все еще солдатом Максимом. Скорее даже вел беседу именно Аким Петрович, являющийся работником коммунального хозяйства и считающий себя очень образованным и умудренным житейским опытом человеком.

А Максим был вынужден кое-как выдавливать из себя ответы на, поставленные мудрым коммунальщиком, вопросы.

ВЫДАВЛИВАТЬ. ВЫМУЧИВАТЬ. Потому как к бесе-

де не очень то тяготился, но все же пришлось ради приличия, угощавшись коньяком Акима Петровича, поддерживать, непонятно для чего нужные, вагонные словоизлияния.

– Значит отслужили, Максим... – то ли спросил то ли утвердил сосед Аким Петрович. Он уже знал имя своего собеседника. Они успели друг другу представиться в процессе продолжающейся беседы.

Максим кивнул. Ну да, дескать, было такое. А сам исподтишка наблюдал, как у мудрого коммунального служащего смешно при разговоре шевелится левое ухо. А тот продолжал вести беседу размеренно и степенно. Да еще и очки нацепил по такому случаю.

Видимо, втайне, надеясь, что этот предмет придает ему большей важности, деловитости и чрезмерности ума...

– И как сейчас служится? С чувством гордости за свою страну, за свою державу?

...Ну и вопросыки...

– Ну служится... Вроде.., – ответил Максим.

– Так служится? Или вроде?

– Да хорошо служится. Бывали, конечно, трудности. Но, в общем и целом нормально.

– Трудности..., – смакуя повторил Аким Петрович, придавая этому слову ОСОБУЮ эмоциональную окраску: – Трудности..., – и, упоенно, прикрыл прикрыл свои, умудренные жизнью, глаза.

– Эх, молодежь, не знаете вы еще ЧТО ТАКОЕ НАСТО-

ЯЩИЕ ТРУДНОСТИ... ЛИШЕНИЯ... ТЯГОТЫ... Вот в НАШЕ время...

И понеслось... В их время. В их бытность. Не допивали, не доедали, не досыпали. И всякие жизненно необходимые действия с приставкой «НЕ». В ИХ ВРЕМЯ. Вечность назад. Хотя, умудренному опытом, коммунальному работнику Акиму Петровичу от силы было лет 35...

Ну а с лысиной все 36... А с очками даже 37...

Его далеко еще не почтенный возраст выдавали глаза не подернутые пеленой отпечатка, прожитых в суровых условиях, лет. Да зубы, в которых он периодически ковырял пальцем (видать частичка курицы плотно застряла), в довольно исправном состоянии, не присущим человеку, близившемуся к закату своих солнечных дней. Да и лицо не являло собой

изборозденное поле. Да и кожа на шее красно-розово лоснилась, а не скукожилась. Но вид у служителя коммунальных служб, бесспорно, создался впечатляюще-представительный и слова его обладали ОСОБЫМ значением. Как будто каждое слово было итогом суровой, полной невзгод но торжественно прекрасной, фундаментально честной и, поистине, НАСТОЯЩЕЙ жизни неумоимого борца за честь и совесть эпохи...

– В наше время МЫ не думали о удобствах, о облегчении жизненных условий. Мы отстраивали, разрушенную войной, страну. Мы писали ее с чистого листа. В наших сердцах, в на-

ших умах царила неукротимая вера в светлое будущее. Мы свято верили в судьбоносную нашу миссию.

Как говорится: «Нам было просто не до отдыха с тобой...»

«Наше время – это, наверное, 70-е, когда вовсю вошла в русло тяга к свободовыражению. Даже в комсомольских стройках... Это, конечно, так... Но страна уже была исписана... Очень и очень много чистых листов были заняты буквами... Словами...», – думал Максим, внимательно слушая все эти лозунги и сам удивлялся своим неглупым и, оказывается,

взрослым, суждениям...

...А тот все выстреливал звучные фразы. Ему бы еще на стол залезть да нацепить на свою полосатую рубашечку красную ленточку. Поверх подтяжек, разумеется. И, размахивая рукой, с чуть сжатой в кулак ладонью, продолжать плакатную речь... Просто неудобно так сделать... В поезде все же... Вагон качается, дергается... Можно запросто со стола упасть... И КОНФУЗ ТОГДА...

...Максим, признаться, невольно попал чуть ли не под гипноз от мощных речей этого «умудренного старца», продолжая рассматривать то его полосатую рубашечку, то милые подтяжки, то чуть запотевшие очки, то мелкие капельки пота на полулысой голове, напоминавшие божественную (а как иначе?) росу. И поражался своим оппонируемым умным мыслям, которыми мысленно оппонировал Акиму Петровичу, но со ступора его вывел вопрос. Сосед по плацкар-

ту резко прервал свой злободневный монолог и перескочил на вопросы... Или допросы...

– А как вы считаете, Максим, верна ли политика Михаила Сергеевича Горбачева? Верен ли курс нашей многострадальной страны на, пока еще не ясную, но подающую надежду, перестройку?

– А? – растерялся Максим.

– Как Вы считаете?

– Не перестройку?

– Да, да. Именно на нее? Может она необходима нашему обществу?

Максим неосознанно зашел с другой стороны:

– Так Вы, Аким Петрович, кто по профессии?

– Мастер участка..., – медленно произнес «мудрец», – а какое это..., – видимо хотел сказать «имеет значение». Мозг его, похоже, отказывался воспринимать столь бесцеремонный уход от заданного направления, но Максим не дал развиваться психологическому диссонансу в уме Акима Петровича и продолжил заданную тему:

– Знаете ли... Я служил в армии и как то не задумывался о политических вопросах. В армии свои задачи...

– Хм... – мастер участка задумчиво потер потный подбородок своими, еще не помытыми от жирной курицы, пальцами и озабоченно-тупиковое выражение его лица приняло опять снисходительно-мудрое выражение.

Снисходительно к НЕОПЫТНОЙ МОЛОДОСТИ:

– Ну да, конечно. Солдаты. Все верно. Если солдаты отчизны будут, заниматься политикой то кто же будет стоять на защите рубежей нашей великой Родины? Тогда логично... Солдаты... – и с облегчением откинулся спиной к стенке плацкарта: – ЭХХХ! Молодость... Молодежь..., – и опять восторженно прикрыл глаза, шумно вдохнув и шумно выдохнув. Молодость – не порок. И МЫ когда-то были молодыми...

Максим отметил, что слово «Молодежь» жизненноумный работник коммунальных услуг произносит с протяжным окончанием «Ш». Вот так:

– МОЛОДЕШШШ...

Как будто именно такое произношение имеет решающее значение.

– А не хлопнуть ли нам, товарищ солдат, еще по рюмке коньячка? Очень, я скажу Вам, занимательная у нас беседа. Насыщенная...

– Пожалуй, можно, – согласился Максим, цепляясь за спасительную соломинку. Хоть немного передохнуть от этой насыщенной беседы.

Какой-то спектакль одного актера... И взгляд его опять уловил ту же самую молодую девчонку, которая также стремительно шла по проходу. Только в обратном направлении. И как будто чего-то высматривала. И опять ЕЕ взгляд соприкоснулся с ЕГО взглядом.

Глаза ее говорили о том, что она что-то... Ищет... Цеп-

ляется за что-то... А затем девушка проشمыгнула дальше по коридору.

«Какая необычная, странная девчонка», – опять промелькнуло в голове у Максима. И опять это промелькание мысли-вспышки сопровождалось мягким спазмом сердца, как при ожидании чего-то неотвратимо-особенного.

– Ну так выпьем, – улыбнулся Максим, снова не обратив внимания на всякие спазмы сердца, всякие ощущения значимого, всякие неслучайности. Поднял стакан, посмотрел внимательно на очень умного своего компаньона и подытожил:

– За любимое Отечество! За дерзкую молодость и мудрую зрелость!

– Вот это правильно! Вот это хорошие слова! – похвалил его Аким Петрович... И они дружно выпили... Хлопнули по рюмашке...

* * *

Все продолжалось довольно тихо-мирно. Велась задушевно-познавательная беседа. Мудрый философ Аким Петрович затрагивал различные важно-злободневные темы. От чего же его так прорвало в поезде на неиссякаемый поток рассуждений? Вероятно в условиях нелегкого труда в сфере коммунальных услуг у него совсем не хватало ни сил ни времени на философско-научные беседы. А в нем все копилось,

его пытливый ум все фиксировал. Занимаемая им должность мастера участка как раз именно та должность, которая предполагает и способствует изучению людских нравов и космических законов. Так что пониманию и постижению глубины и сути всего происходящего помогла Акиму Петровичу именно работа в коммунальной службе на должности мастера участка ну и, бесспорно, его врожденная гениальность. Максим же стал чувствовать себя более непринужденно благодаря выпитому коньяку. Его стеснительность и зажатость понемногу рассасывались. К слову говоря, он совсем не являлся приверженцем алкогольной продукции.

Как-то раз, правда, напился. Еще будучи студентом художественно-ремесленного училища. Тогда он ощутил необычно-непривычное воздействие алкоголя на свой юный мозг. Вталкивал всем участвующим в попойке о значении для человека цвета.

О иллюзиях, создаваемых смешиванием красок. С помощью таких смешиваний можно даже очень изменить окружающий мир, создать любую реальность. И все будут верить в истинность такой любой реальности. Если, например, смешать все краски, которые существуют, то получится именно тот самый настоящий цвет, который и отобразит истинность всего сущего. А если всю эту мешанину заморозить, а затем подогреть, то в эфир вылезет не только наблюдаемая, но и осязаемая действительность. В виде совершенно невообразимых звуков и непридуманного запаха...

По поводу звуков и запахов Максим дружно был осмеян. Ему даже продемонстрировали и звуки и запахи. Максим настойчиво продолжал, что, дескать, если еще руками потрогать. Тем самым вызвал очередную волну смеха.

...ДА И **ВООБЩЕ...** Только красный цвет настоящий. А белого цвета не существует. Как и черного. От обоих в их абсолютизме можно ослепнуть...

...А там, в пустоте, опять тот же красный...

...Да и ну вас **ВСЕХ К ЧЕРТЯМ СОБАЧЬИМ!!!** Ничего то вы не понимаете!!! Да я не такой, каким **ВЫ ВСЕ** меня представляете!!!

То есть, пока себя еще помнил, понес тогда студент Солдатов всякого рода впечатляющую ахиною. Товарищи по дружеской попойке почему-то не заапладировали от восхищения умными речами Максима. Поначалу изумились тому удивительному факту, что у «бабушкиного сынка», стеснительного и погруженного в себя, прорезался голос.

И он **ДАЖЕ** может сказать свое **Я**. Хотя и без единого матерного слова. Высказать **СВОЕ** слово, краснея и сжимая свои утонченные кулаки. Вот что алкоголь с людьми делает. Видоизменяет их. Изумились поначалу выпивающие студенты. А потом их настолько это стало забавлять, что они не унимались от безудержного хохота над незадачливым Максимом.

Они **РЖАЛИ. КАК ЛОЩАДИ.** Уму непостижимо. Не о девчонках, не о рок-музыке, а о... Вон о чем! О цвете

в цвете неистово рассуждал Максим...

...А если смешать всех баб, которые существуют, то что получится?

Та самая настоящая баба? Ха-ха-ха... С красной рожей, потому что красный цвет единственный, который правильный... Вот умора...

Максим помнил, что негодовал на то, что над ним подтрунивали. Даже пытался с кем-то из обидчиков биться на кулаках по причине задетой его чести... А дальше провал в памяти...

И после, на следующее утро, ужасная, отвратительная вязкость во рту, в мозгах тупое опустошение, почему то боль во всех мышцах (как позднее выяснилось, он пытался ИМ ВСЕМ доказать, что очень даже силен физически: прыгал, приседал, отжимался, кувыркался, поднимал стулья и кого-то из студентов под всеобщее удовольствие участников попойки). А очнулся он дома в порванной, почему то, одежде... Бабушка же такое его поведение осудила. Вынесла вердикт в своей манере:

– Вы отвратительно поступили, Максим Львович!

И этим высказала все. ВСЕ. От подтверждения его несостоятельности, глупости, не умения самому принимать ПРАВИЛЬНЫЕ решения для совершения ПРАВИЛЬНЫХ поступков до неуважения им памяти родителей. Отважных, честных, образованных, но несерьезных.

Иначе зачем полезли куда то в горы? Только потому, что

ветер в головах, а не умные мысли, достойные образованных людей. Так что и Максим рискует повторить судьбу своих родителей, если будет заниматься всякой ерундой. Например, напиваться, как последний чернорабочий. СТЫДНО!

Максим все понял, учел, осознал и больше не употреблял спиртное.

Даже в армии. И перед нею... До сегодняшнего дня...

...Но, хотя атомы спирта вступили во взаимодействие с атомами крови, у Максима ориентация в действительности не исказилась, реальность не изменилась. Наоборот, легкое опьянение подействовало на него расслабляюще, успокаивающе, сняло некую напряженность. В принципе, пребывание в армии избавило Максима от стеснительности, забитости, отчужденности, но в границах самой же армии. То есть не совсем избавило. А теперь началась прошлая, забытая и теперь совершенно новая, неизвестная жизнь. Так что волнения да сомнения копошились в голове у Максима. А воздействие коньяка их приглушало.

Максим стал более смелым, боевым...

– Если не секрет, сколько Вам лет, Аким Петрович? Уж больно умно Вы все так рассуждаете... Как ученый...

Аким Петрович был польщен таким точным определением его образованности и, не заметив сарказма в словах Максима, снял запотевшие очки, бережно протер их близлежащей салфеточкой. И со значением ответил:

– Да уж... Это не рассуждения. Это знания. Опыт. Пра-

вильное понимание основ бытия. А что до возраста? Это, отнюдь, не секрет. Мне, молодой человек, УЖЕ минуло 33 года. Возраст Иисуса Христа. И сколько пройдено дорог за эти прошедшие, пролетевшие годы...

Аким Петрович задумчиво посмотрел в окно, как будто за ним (за окном) пролетали вместе с деревьями его, прошедшие вечность назад, годы...

«Минуло 33 года... Стукнуло... Грохнуло... Навалилось неподъемной ношей... А выглядит старше. Видать уж очень много думает об умных вещах. УМНО ДУМАЕТ». Максим незаметно улыбнулся и поддельно удивившись, сказал:

– Неужели?! 33 года! А Вы выглядите гораздо моложе. Гораздо! Я бы и не подумал, что Вы обладатель столь солидного возраста.

– Ну так, молодой человек, в этом есть своя хитрость. Я, знаете ли, всегда правильно и трезво смотрю на мир.

«Правильно и трезво», – повторил про себя Максим, – «Слово „правильно“ уж совсем неправильно часто вылетает с его всегда трезвых (особенно сейчас) уст»

А тот вдохновенно продолжал:

– Я верю в политику нашей партии, не сомневаюсь в четкости госплана. Понимаю чаяния народа, всегда готов к труду, как говорится, и обороне. Упражняюсь... Да, да... Упражняюсь в игре в настольный теннис, не позволяю себе лишнего, часто гуляю на свежем воздухе, много изучаю литературы...

«Интересно, как это сообразуется между собой?... Госплан, народ и настольный теннис на свежем воздухе с газетой в руках?», – Максима позабавили такие сочетания, – «Мудрец наисолиднейшего, наипочтнейшего возраста Иисуса Христа, командующий дворниками на свежем воздухе с теннисной ракеткой в одной руке, с газетой „Правда“ в другой. И при этом не позволяющий себе есть торты (только курицу) и свято верящий в победу коммунизма. Удивительно гармоничная личность. С ясными помыслами.»

– Все так. По-другому не может быть. Дворниками командовать, знаете ли, не каждый и сможет. Нужен особый, философский склад ума. Понимающего политику партии...., – медленно выговорил Максим, пристально смотря на соседа по плацкарту, – Какому-то ветреному юнцу такое не под силу. Тут справится только обремененный годами мудрый старец...

...Аким Петрович взглянул на Максима, не понимая, как расценить его слова. Как некую подначку или нечто иное?

А Максиму было плевать на озадаченное выражение лица мудрого мастера участка и, воспользовавшись тишиной, он пошел курить...

Не то снова затянется песня: «ЭХ, МОЛОДЕШШШ... Все вам хихи да хаха... Вот когда МЫ были молодыми...»

3 глава

Вагон, подрагивающе, раскачивался. Смеркалось. Народ, назвавшись пассажирами, стал переделывать этот вагон из общественного места для проведения, не имеющих никакого практического смысла, бесед, из читального зала, из общественной столовой во всеобщую ночлежку. Вон серьезнейшего вида мужчина заботливо расправляет полотенце, поглаживает свои брюки, висевшие на вешалке и осматривает свою нижнюю полку, мысленно обязывая ее к тому, что теперь она не какая то там, имеющая статус номера 16, полка, а ЕГО КРОВАТЬ. Полке то, конечно, все равно полкой быть или кроватью, но человеку, ее оккупирующему, приятно осознавать свое превосходство над полкой.

Дескать, как скажу, так и будет называться.

А вон, на верхней полке, некто смачно спит, свистяще похрапывая. С до того умиленным выражением лица, что создается впечатление как будто этот некто окунулся в свое наименее приятнейшее детство, замыкающееся на философствование в процессе посещения горшка, или сосание соски, или собирание конструктора в более позднем варианте детства. Ишь слюни то как потекли ручейком из уголка приоткрытого рта прямо на подушку. А то что ноги, обутые в далеко несвежие носки, вытянулись до середины прохода не имеет абсолютно никакого значения этому НЕКТО высокого роста.

Его посетило блаженство. Ну а проходящим мимо по проходу приходится сдерживать свое раздражение, отклоняя голову в сторону от ног в носках, морщив при этом свой чувствительный к не своим запахам, нос, либо подныривать под эти ноги в рваных несвежих носках, стыдливо в мыслях матерясь...

А вот совсем не старые молодые люди, по-домашнему расположившись в плацкартном купе в количестве восьмерых, решали насущные проблемы, касаемые как лично их так и всего мирового сообщества путем бесперебойных монологов и виртуозных жестов рук, подогревая себя бодрящими крепкоалкогольными напитками. Монологи бесперебойными являлись потому, что подогревание бодрящими напитками подходило к той стадии, когда все из компании уж не были столь внимательны к собеседникам, а спешили высказать свою (единственно верную) точку зрения на заданные темы.

То есть пошло словоблудие на повышенных эмоциях. Но, несмотря на, далеко не тихие, свои разговоры молодые люди среднего возраста все же не вылетали за рамки приличий. Попросту говоря, не били морды ни друг другу ни прочим (уже почти спящим) обитателям плацкартного вагона, пребывающим в молчаливом возмущении по причине этой интеллектуальной пьянки. Стаканы не разбивались, окна не разбивались, полки не ломались, ложки и помидоры с яйцами не летали от оппонента к оппоненту. Царил относительный порядок. Курить они ходили все-таки в тамбур.

Не открывали окно и не дымили прямо в плацкарте своей. Тем более почему-то курили не все сразу. А по трое. Двое не курили. Эти двое больше всех, к тому же, молчали. Так что, получив несколько замечаний от проводницы (целью которой было добиться окончания шумноватых диспутов или, хотя бы «немного потише, ребята») они, не нарушая правил приличия, продолжали спорить о значимости грядущих перемен...

«Вот теперь заживем!», «Это конец.», «На хрена все это...»

«Прочь железный занавес!», «Ты не понимаешь!», «Да я все изнутри знаю!», «А вот у нас во дворе...», «Прикинь, подходят ко мне две мадамы...», «А вот как то на рыбалке...», «Помню в армии сапоги искал», «У нас прораб как говорит...»

Такие взаимодополняющие темы разговора с удивительной непоследовательностью и скоростью сменяли друг друга... Строители возвращались из очередной командировки домой, накопивши множество новых впечатлений и знали о чем нужно беседовать...

...Так что в плацкартном вагоне пассажирского поезда, едущего в Ленинград, сложилась вполне благопристойная, по-домашнему уютная, атмосфера, располагающая к совершенно разным, порой невообразимым ситуациям, которые являются неотъемлемой частью жизненных этапов под названием «В ДОРОГЕ...»

* * *

Все это проплывало незначительно перед глазами Максима, который и сам под воздействием выпитого коньяка ощущал себя проплывающим. Тут еще в какой-то степени философский вопрос: То ли незначительные детали проплывали незначительно перед глазами Максима, то ли сам он с особой значимостью проплывал сквозь эти, как будто из другой реальности, детали...

...Взгляд его обратил внимание на храпящего, так, чтобы все восхищались этим музыкальным храпом, довольно упитанного мужчину огромного роста на верхней боковой полке. Вроде ничего особенного. Ну лежит себе, музыкально храпя, на левом боку, согнув ноги в коленях, повернувшись к окну передом, а к остальному миру противоположной стороной тела. Ну уместил он каким то чудом свое упитанное тело на, строго не широких размеров, верхнюю полку. (хотя, конечно, данный факт вызвал у Максима удивленную улыбку.)

Интересней другое: Прямо под огромным телом пассажира на верхней полке на нижней боковой полке тоже музыкально храпел (но басом, а не фальцетом, как сосед сверху) и тоже на левом боку, отвернувшись лицом к окну, довольно не упитанный мужчина совсем невеликого роста.

Смешно как то: Маленький и худющий, храпящий бога-

тырским басом вольготно расположился внизу, а огромный жирный боров, храпящий по-мышьиному тоненько, умудрился поднять себя и расположить наверху.

Причем нижний храпящий не являлся несамостоятельным ребенком, немощным стариком или слабосильнонежной женщиной, как и верхний храпящий не являлся такими личностями. На вскидку они оба обладали примерно одинаковым возрастом, насколько можно было установить глядя на их задние стороны тел. Интересно, почему они не поменялись полками? Особенно небольшой и стройный мужчина? Ведь мог и заметить всю опасность иметь над собою такую огромную массу, грозящую рухнуть вниз вместе с полкой и придавить его, храпящего басом внизу. Мог бы и предложить обмен полками заведомо неуклюжему упитанному мужику, тем самым избавив того от необходимости совершения мужественно-геройского поступка, каким является восхождение на верхнюю боковую полку плацкартного вагона...

Но факт остается фактом и все пребывает так, как оно есть.

В своей нелепости.

А еще Максим обратил внимание на задний карман брюк толстяка. Из кармана, словно напоказ, торчал такой же упитанный, как и хозяин, кошелек. «Неосмотрительно», – мысленно не одобрил Максим – «Можно и потерять. Или просто свистнут...»

Подумал и забыл. А про то: свалится ли жирный с верхней

полки или не свалится, а если свалится, то как импозантно это будет выглядеть Максим пока еще продолжал ехидно думать...

* * *

Жизнь изменчива и нестабильна. Часы, минуты и секунды, составляющие время со всей своей кажущейся определенностью, также убыстряются вдруг, замедляются, а то и вовсе, почему то, останавливаются. И события, следующие вместе со временем, то совсем раздражительно стабильны, предсказуемы, однотипны, то вдруг насыщаются неожиданными поворотами, увлекающими разнообразиями с отчетом времени не минутами и часами, а этапами. Волнующими, исчезающими ЭТАПАМИ... РАЗНООБРАЗИЯ... Да еще такие, которые, порой раздражают куда больше, чем опостылившая обыденность...

...Покурив в, тускло освещенном тамбуре, поизучав свое отражение в окне (по ту сторону вагона почти совсем стемнело), Максим направился посещать туалет... Без задней мысли рывком открыл туда дверь...

– Блин..., – вырвалось у него, и также резко он закрыл эту дверь назад, не решившись войти в туалет...

Хотело вырваться другое слово, начинающееся на букву «Б», но так как Максим, в силу своего воспитания и глубокой убежденности, совершенно не употреблял в обиходе матер-

ные слова (даже будучи в армии), вырвалось именно слово «БЛИН», подавив тем самым в зародыше своего похабного словесного коллегу.

Там, в туалете, находилось нечто неожиданное. А именно та самая необычно-странная девчонка. И она, в этот момент, застегивала на молнию свои, обтягивающие стройную юную фигуру, джинсы. И мгновенно, пронзительно посмотрела своими прожигающими черными глазами прямо в ошарашенные глаза Максима. Молча посмотрела, без визгов, истерик, дерганий, временно прекратив застегивающее движение молнии на джинсах. Может потому посмотрела без истерик, что внезапность такого случая оказалась очень уж внезапна и скоротечна...

...«Надо же...», – пронеслось в голове у Максима, когда он закрыл дверь туалета и озадаченно отошел к окну напротив этой двери: «Наверное дверь забыла запереть... Вот незадача... А я то и не знал... Вот конфуз то... Вот неудобно то... Блин... Ну надо же такому случится... Эти черные глаза... Взгляд... Почему черные?»

Молодой человек так и продолжал, густо краснея, теребя красную спортивную курточку (олимпийку), оправдываться внутри себя и убеждать себя в своей непричемности. Он ведь и не предполагал... Да и как можно было догадаться?... Ну девчонка!... Надо же дверь забыть запереть... Но ведь мог бы он и услышать шорохи за дверью туалета, уловить неуловимое, почувствовать, наконец, неладное... Это все ко-

ньяк этот необязательный... Не обязательно было его пить... Расслабился, решил, что контролирует ситуацию... Ан нет...

Оказалось, что все не так просто... Оказалось, что ситуация над ним насмехается. События над ним издеваются. Показывает жизнь, как вредна напыщенная гордыня... Да сосед этот, Аким Петрович, умник полулысый, молодой старец... ОН... ВСЕ ОН... Соблазнил, спойл, отвлек от внимательности... И ВОТ ТЕБЕ НА!... Черт дернул попереться в этот долбаный туалет... Если не коньяк, то, вероятно, Максим смог бы догадаться, что там, за дверью туалета, КТО-ТО ЕСТЬ... И не случилось бы такой нелепо-дебильной ситуации...

...ИЛИ НЕ СМОГ БЫ?... ИЛИ СЛУЧИЛОСЬ БЫ ВСЕ РАВНО?...

Максим, ужасно покраснев, нервно вытирал вспотевшие ладони о красные спортивные штаны. В его случае, наверное, желательно было бы срочно удалиться в вагон на свою нижнюю полку. Лечь, прикинуться давно уже спящим. Вроде как это и НЕ ОН ВОВСЕ...

Кто знает, что там за парень в красной спортивной куртке шляется по ночам в туалет?

На худой конец шмыгнуть в тамбур, закурить там, как ни в чем ни бывало. И опять же прикинуться тенью, просто, как бы, покурить вышел. Да мало ли всяких непонятных разгуливает по ночам в вагоне в красной спортивной одежде да врываются, по не ясным причинам, в туалет?

Но Максим, напротив, уперто остался в предтуалетном тамбуре, лихорадочно волнуясь, в поисках оправдательных аргументов. И вот та самая девочка вышла из туалета... Оценивая осматрела напряженного парня, чуть улыбнулась, Сама, видать, почувствовала нестандартность момента. И промолвила, слегка пожав плечами:

– Так... Свободно... Уже..., – отодвинулась в сторону, уступая дорогу Максиму, тем самым так ПРОСТО И БЫСТРО разрядив неловкую обстановку...

...В туалете Максим совсем успокоился и даже стал сам себя подтрунивать по поводу своего беспочвенного испуга.

Подумаешь дверь забыла девчонка запереть! Такое происшествие и в ряд происшествий то не годится. Это она (девчонка) должна была разволноваться от своей вопиющей невнимательности. А может он разволновался не из-за самого факта ситуации, а от того КТО ИМЕННО в этой ситуации участвовал?... Эта странная девчонка с пронзительно черными, как у волчонка, глазами, с разгидьдьяйски-непричесанной прической... У Максима опять как то печально-тихо защемило сердце...

...Успокоившись, молодой человек вышел из туалета и... остановился в предтуалетном тамбуре... Та девочка полусидела на тумбе для мусора.

При появлении Максима тут же встала и молча-выжидаяще принялась на него смотреть. Если не сказать ПЯЛИТЬСЯ...

Максим, быстро осмотрев ее с головы до ног, ни слова ни говоря, поспешил исчезнуть в вагоне... **НО НЕ ТУТ ТО БЫЛО...**

– Солдат, – вдруг услышал он тихий приятный голос просящего тона, не успев еще открыть дверь в вагон. И не сразу понял, что это именно ему адресуется.

– Солдат, я к тебе обращаюсь

– Ко мне? – уточнил Максим.

– Да... У меня просьба...

– Просьба..., – повторил Максим, – А почему солдат? – хотел было узнать, но осекся, – Ах да, конечно, там же форма моя висит. Вы, вероятно, заметили.

Он, почему то, на «ВЫ» к этой юной школьнице обратился. Очень уж глубоко привила ему бабушка правило быть почтенным и вежливым с дамами...

– Да, да, – быстро затараторила девчонка и подошла ближе, почти вплотную. Отчего Максим довольно сильно напрягся внутренне. Как же! Нарушено его личное пространство. Да еще и лицом противоположного пола. Вопиющая невоспитанность.

– Что Вы себе..., – хотел сказать слово «позволяете», но не успел. Девушка продолжила свое тараторство:

– Послушай, можно я у тебя посижу до утра?

– У меня?

– У тебя... Ну как будто я сестра твоя младшая... Очень надо...

– Да Вы что! Я не один... И это не у меня... И ночь уже...
И что могут подумать?

– Ну пожалуйста... Ну можно?... Мне негде...

Девчонка быстро-быстро, почти шепотом, все это говорила, печально глядя в глаза Максима. Он же, опешивши от таких просьб, не знал как и поступить в данном положении. Зачем ОНА у НЕГО собралась СИДЕТЬ на НОЧЬ ГЛЯДЯ? Почему больше негде? Как то неудобно...

Он решил побыстрее улизнуть от этой непонятной школьницы, которая пристает со своими идиотскими просьбами. Кто знает кто она такая? Еще втянет во всякие нежелательные неприятности...

– Да нет... Что Вы..., – постарался более солидно выговорить Максим, хотя получалось постыдное мямлиние, – Никак нельзя... Идите к родителям... Или еще к кому... Взрослому... Нет... Я не это... Я просто... Что Вы... Невозможно..., – он, не дав ей затараторить в ответ, плавно ее огибая, открыл дверь в вагон и устремился к своему плацкарту...

Его купе являлось третьим от проводников. Пройдя немного, Максим, оглянувшись, остановился... Оказывается девушка направилась следом за ним, шла немного поодаль. И также остановилась, когда он остановился...

«Блин!» – подумал он, – «Увязалась», – и направился дальше, смотря назад через плечо... Девчонка также возобновила движение вместе с ним... Максим резко прекратил движение... Девушка тоже... И ТАК ПЯТЬ РАЗ...

«Она, что, издевается?»

Он дошел почти до своего места. Девчонка не отступала от своей намеченной цели... Тогда Максим подозвал ее кивком головы... Та смешно присеменила к нему, напряженно смотря из-под лобья, засунув руки в карманы своей светлой курточки.

– Вы, что издеваетесь надо мной? – прошептал Максим.

Она отрицательно замотала головой, всем видом выдавая из себя самую благодетель и искренность.

– Вам больше поиграться негде? И не с кем?... Да перестаньте мотать головой! – Максим, наверное, очень комично распсиховался, иначе девочка не стала бы улыбаться...

– НИЧЕГО СМЕШНОГО!!! Ладно... Черт с вами... Пойдемте. Только обязываю, Вас, вести себя прилично, раз уж сестра...

– Да, да... Обещаю. Буду хорошо себя вести...

...Максим на это только обреченно вздохнул...

Аким Петрович, мудрец от коммунальных услуг, временно являющийся полулысым соседом Максима, хитро подмигнул Максиму, увидев того в обществе юной дамы... По всему видно было, что он готовился уже к таинству сна. Прибрал на столике, расправил одеяло.

– Да Вы, молодой человек, не один! – деланно удивился Аким Петрович – В сопровождении очаровательной прелестницы!

– Да это не то, что..., – начал было говорить Максим. Вро-

де того: Это не то, о чем Вы подумали. Это совершенно другая история... Да и вообще не суй свой мудрый нос в чужие тайные дела...

– Не беспокойтесь, Максим, общайтесь... Я уже сейчас намерен отдохнуть... Я все понимаю, – он встал со своего места, видимо, решив посетить туалет на ночь грядущую. А лицо его излучало хитрейшее лукавство. Дескать, мужик мужика понимает. Дело молодое. Отчего Максим, уловив такое выражение его мудрейше-очкастой физиономии, еще больше раздражался. Ладно девчонка к нему привязалась, да еще этот фантазирует себе всякую ерунду.

– Эх, молодешшш..., – прошипел Аким Петрович и удалился из купе...

Максим быстро повернулся к девушке:

– Зачем Вам это? Кто Вы?

– А так ли важно? – пожала плечами она, – Просто помоги мне...

– Почему я? Почему не он, например? – Максим кивнул в сторону удалившегося соседа.

Девушка удивленно на него посмотрела и тихо рассмеялась:

– А надо, чтобы он?... Ты мне показался надежным...

– Надежным?... Или простачком?

Но то, что девушка назвала его надежным, Максиму, чего скрывать, пришлось по душе. Приподняло его в собственных глазах. ПОВЫСИЛО. Как мужчину у которого просят

помощи (ИМЕННО У НЕГО), которому можно ДОВЕРИТЬСЯ, который и есть ТОТ САМЫЙ защитник слабых и угнетенных...

Про «Простачка» девушка ничего не прокомментировала.

– А сколько хоть лет, Вам? – поинтересовался Максим.

Девчонка загадочно улыбнулась. То ли от того, что обдумывала в каком масштабе соврать, то ли от того, что Максим (довольно симпатичный молодой парень) обращался к ней на «Вы». Как к взрослой, интересной, уважающей себя даме.

– Да что Вы все время смеетесь? По-вашему, я несу всякую чушь? Не хотите – не говорите... Я и так вижу, что ВАМ до ВАШЕГО совершеннолетия предстоит еще пройти...

– Да. Мне нет восемнадцати, – перебила его девушка, – не все ли равно сколько именно мне лет? В, конце концов, у дамы про возраст неприлично спрашивать... А улыбалась я от твоего разговорного стиля. Как то нечасто в тех кругах, где я общалась, так разговаривали...

– В каких это кругах? – насторожился Максим. «Уж не малолетняя преступница, часом?»

– Неважно... В таких... А зовут меня... скажем... Маруся.

– Почему Маруся? – озадаченно спросил Максим, сбитый с толку резкими поворотами диалога у девчонки, хотя хотел спросить: «Почему это СКАЖЕМ Маруся?»

– Потому что так называли! – весело ответила она и звонко

расхохоталась.

– Тише! – осек ее Максим, – ночь на дворе...

– Ну да! На дворе! Конечно на ДВОРЕ! – продолжала хохотать Маруся.

– Ну в поезде, – раздраженно поправился Максим, – и все же это поезд едет сквозь ночь, а не ночь в нем...

– Значит просто: Тихо! Наступила ночь!

– Да прекратите Вы хохотать!

...Тут вернулся сосед Аким Петрович.

– А, молодешш, забавляетесь... Ну общайтесь... Я вам не помешаю, – и заговорщчески подмигнул Максиму, вводя того в еще большую ярость...

...Сосед улегся... Поезд мчался сквозь дрожащее желе ночи, вдоль сплошной темной стены нескончаемого леса... Максим тоже, как и сосед, хотел улечься, но не знал, как поступить с девчонкой. На обоих верхних полках никого не было. Может туда ее запихать? Или самому на одну из них запихаться? Раз она хочет находиться под его прикрытием, значит что-то или кто-то ей угрожает... Вот же проблемка так проблемка...

А тому, что у того огромного мужика на верхней полке уже не видно было кошелька в заднем кармане брюк, Максим не придал особенного значения. Эту деталь он заметил, когда возвращался из туалета, убегая позорно от девчонки, а та следовала за ним...

Ну нет кошелька и нет... Может переложил его толстяк

в другое, более надежное место...

* * *

В вагоне царил мягкий полумрак. Навевал мысль о необходимости уложить свое нежелезное измученное тело на горизонтальную поверхность и дать этому телу расслабиться, отдохнуть.

Вроде тихо. Без происшествий. Молодых строительных рабочих, увлеченно спорящих о ПРАВИЛЬНОСТЯХ и НЕПРАВИЛЬНОСТЯХ тоже не слышать. Верно, придя к единодушному мнению, расположились на отдых. Или продолжают дискутировать яростно шепча друг другу на уши, дабы не мешать отдыхающим пассажирам...

Маруся вольготно расположилась возле окна и, значит, вовсе не собиралась уходить. Даже свистнула соседскую помидорку, по неосторожности не убранную со стола, и принялась, как ни в чем ни бывало, ее жевать, поглядывая то в тень окна, то на Максима...

Максим же, предположив, что ребенок голодный, настроивался на то как бы решиться дать этому самому ребенку что-нибудь пожрать (например, пирожки, которые у него были), а затем уложить этого ребенка наверх. Наверху явно она явно меньше внимания будет к себе привлекать. Или оставить внизу, на своем месте, а самому остаться сидеть рядом. Вдруг на какой-нибудь ближайшей станции кто-то займет все две верхние полки этого плацкарта? То есть нужно решиться на какое-нибудь действие и умело организовать. Вот

как бы это сделать покорректнее?...

Почти решился, взглянул на девчонку, о чем то усердно раздумавшую, смотрящую на огурец, лежавший там же, где некогда лежал помидор... И совсем уже приоткрыл рот, чтобы предложить девушке пирожки...

Но тут его отвлекли... Отвлек какой-то шум, какая-то суета в стороне тамбура для курения.

Максим быстренько посмотрел в том направлении. Там стоял, возле своей верхней лежанки, тот самый огромно-необъятный мужчина, что-то суетливо-возмущенно говорил, а его, довольно скромных размеров, сосед снизу недоуменно хлопал глазами, приподняв себя на локте.

Про хлопанье глазами Максим, конечно, домыслил для полноты картины. В условиях вагонной полутьмы такую мелкую деталь он не смог бы явственно рассмотреть. Зато рассмотрел, что толстяк еще и обшаривал по карманам себя, обшаривал свою верхнюю полку, осматривал нижнюю полку с ее малорослым обитателем и пол возле нижней полки и что-то недовольно говорил своим высоким писклявым голосом. А нижний сосед что-то отвечал ему своим густым басом.

«Не иначе все же свалился с верха», – подумал Максим про толстяка.

И его настолько это заинтересовало, что он решил пойти узнать в чем конкретно дело. Ну, как бы, покурить, а мимоходом уточнить смысл происходящего...

...Быстро посмотрел на девушку. Та как-то напряженно смотрела на него, не отводя глаз... Максим не придал ее реакции важного значения:

– Не бойтесь! Я посмотрю что там происходит. Это явно с вами не связано, – ободрил ее Максим и направился в сторону происходящего... Как бы покурить...

Оказалось, что внушительный мужчина не обнаружил своего внушительного кошелька в заднем кармане своих брюк. И визгливо возмущался по этому поводу. И КУДА ЖЕ МОГ КОШЕЛЕК ЗАПРОПАСТИТЬСЯ?!

А сосед снизу, принимая дружеское участие, громовым басом пытался успокоить этого, обиженного столь досадным происшествием, жирного атлета и уточнял ЧТО да КАК? Мол, не выходил тот в туалет с кошельком, а может кошелек вовсе и не в кармане был, а лежит себе в чемодане? Надо проверить чемодан.

Да, соглашался толстяк, надо проверить чемодан. И не только свой...

Ну разве можно сразу так прямо считать, что это воровство? Изыщный мужчина сокрушенно покачивал головой... И так далее в том же духе.

Максим злорадно мысленно рассмеялся. Не надо было запихивать кошелек в задний карман брюк, а потом выставлять напоказ свою жирную задницу вместе с кошельком. Могли и украсть ненароком... Кошелек...

А затем оказалось, что Максим, второпях уходя курить,

забыл и сигареты и спички. То есть необходимые для «покурить» предметы, без которых действие «покурить» превращается в фарс. «Вот незадача».

И молодому человеку, уже почти дошедшему до двери в тамбур, пришлось возвращаться назад. Сигареты и спички он оставлял на полочке... Подходя к своему месту, Максим заметил, что у туалета, который находился за купе проводника, стояла Маруся и смотрела в его сторону.

«В туалет пошла», – решил Максим – «Интересно, надолго? А может уже не вернется?». С такой надеждой на такое чудо он посмотрел на полку, что на стенке... Ни сигарет, ни спичек он там не заметил... Не заметил он их и на столе и на постели... Что ж такое? Он точно помнил, что ложил эти предметы именно на полку... Ну ладно... Может в военном кителе? Может туда сунул неосознанно, находившийся в плену событий, подкинутых девушкой?...

В кителе сигарет со спичками **ТОЖЕ НЕ БЫЛО**. И что самое неожиданное: в кителе **НЕ БЫЛО И КОШЕЛЬКА**. С деньгами. **ЕГО** кошелек. С **ЕГО** деньгами. А ведь он там был.

В Максима стали заползать смутные подозрения. Какая то взаимосвязанная между собой цепочка событий. Кошелек у толстяка... Сигареты, спички и тоже кошелек у Максима... Девчонка, попросившая посидеть у него, и которая пошла... Пошла... В туалет?...

– Блин! – вырвалось у Максима. Но подмывало его выру-

гаться иным словом на букву «Б».

И посмотрел он туда, где недавно находилась девчонка. И заметил, как она, открыв дверь в рабочий тамбур, споро-висто туда выбежала, закрыв за собой эту самую дверь...

«Ну уж нет!», – Максим ринулся за ней...

* * *

Дальнейшее происходило в усиленном ритме, в сжатые сроки, без излишних эмоций, театральных возгласов, чувственного заламывания рук, выдергивание волос из головы...

Он застал девчонку с расстегнутыми джинсами. С внутренней стороны джинсов она вынула некие предметы... Дверь из вагона наружу находилась в открытом состоянии. А оттуда, снаружи в вагон через дверной проем пыталась влиться таинственная темнота. Но влезть не могла, потому что поезд мчался сквозь нее, разрывая ее плотность, прорезая, заснувшее в темноте, время...

Бесцеремонное появление Максима очень испугало девушку... Она, может стать, поначалу намеревалась поступить несколько иначе. Не так опрометчиво. Да и вообще передумать как либо поступать...

Но Максим материализовался в тамбуре с перекошено-приоткрытым от волнения ртом, с выпученными глазами, с красной рожей и одним таким своим необычным видом

подверг бедную девушку в истерический шок...

Она, оставив без внимания свои незастегнутые джинсы, быстро подняла руку с некими предметами и на мгновение эту руку застопорила в воздухе. Этого мгновенья хватило, чтобы Максим в одном из этих предметов узнал СВОЙ кошелек. Ну а другим предметом, без сомнения, являлся кошелек огромного толстяка...

– СТОЙ! – выкрикнул, чуть ли не выстрельнул, Максим и необдуманно рванулся к девчонке. Имея своей целью предотвратить выкидывание за борт таких ценных предметов, каковыми являются кошельки.

Особенно ЕГО кошелек.

Но девушка, сделав ловкое движение руки, как при кидании камня (или гранаты), отправила кошельки в темную плотность ночи... В неведомое... А наверняка все складывалось бы по-другому не кинься бы Максим истерично к девушке... Но назад не отмотаешь время...

Максим осознал свою опрометчивость и попытался остановить свое, стремящееся к девчонке, тело... НО...

Девушка смотрела на него удивленно, словно предчувствуя ОСОБУЮ значимость с ОСОБЫМИ последствиями происходящего момента.

Но также что-либо изменить была не в силах...

Вагон, как нарочно, вдруг резко качнулся в сторону. Видать на повороте. А качнулся как раз в ТУ СТОРОНУ, где стояла возле открытой двери юная девушка и куда стреми-

тельно бросил свое тело Максим...

Вот так. Превратности судьбы с ее непостижимыми заворотами.

Знал бы где утонуть – набросал бы кучу спасательных кругов...

Вслед за злосчастными кошельками в злорадное объятие ночи из вагона вылетел Максим. И девушка, скованная объятиями Максима...

А из Максима вылетело то самое иное матерное слово на букву «Б», которое никогда из него не вылетало в силу Максиминой интеллигентности, уступая обычнобезобидному слову «Блин».

...И окутал их влажный ночной воздух, и ветер забился нагло в уши.

И не успели они основательно со вкусом ощутить свой незабываемый полет в ночи. Так сказать, оценить все его неизгладимые прелести. По причине его обидной внезапности и обидной скоротечности...

4 глава

Эта музыка. Она какая-то несуществующая. Ее не может быть. Но она есть. Где-то за ширмой. За прозрачным занавесом. И везде. В колебаниях каждого атома... Колокольчики... Хрустально-серебристые колокольчики, извлекающие непривычную слуху хрустально-серебристую мелодию... Ясно... Все ясно... Эта мелодия в каплях росы или в мертво-бледном свете луны... Луны, которая смотрит прямо в глаза, немилосердно сжигает их своим светом.

Специально направленным светом. Чтобы просверлить мозг. Через глаза... Какой умный способ... А ноты музыки весело прыгают, смеясь звонкими колокольчиками... Луна прозрачна... Только свет от нее...

И за ней...

И визг... ВИЗГ... Неприятный. Раскидывающий в стороны хрустальные колокольчики.

Под безумный визг сатаны
понимаешь прозрачность луны
и хватаешь с земли валуны...
...Отрываешь с земли валуны
и кидаешь их в небо с силой,
Чтоб луна тебя не бесила...
Чтоб следить за тобой перестала
и душевным надгробием стала.

Какая чушь! Мгновенье. Пустыня и холод... Должен быть холод... А тут валуны... Почему валуны? Камни такие... Большие... Нелепость какая-то... И ветерок приятный... Ласкает...

...И Максим открыл глаза. В глаза ярко била своим прозрачным светом луна... В ушах тоненько пищал раздражающий писк... И лицо приятно обдувал мягкий ветерок...

Максим медленно повернул голову влево. Противно уткнулся щекой вроде бы в траву (почему в траву?). Повернув голову на право столкнулся с той же оказией. То, что лежал на спине он уже понял...

И через мгновенье ему стало понятно по какой причине он лежал спиной на земле, поворачивая лицо в траву, обдуваемый приятным ветерком, под пристальным наблюдением луны и противным писком в ушах...

Осознав всю суть и кошмарность произошедшего, Максим ужаснулся.

Ну ничего себе приключение! Если не сказать ЗЛОКЛЮЧЕНИЕ. Вот это его угораздило.

Нашептывания чьим-то вкрадчивым шепотом каких-то стихов сразу забылись, исчезли в глубинную память. Луна перестала являться мистическим явлением. Окружающее стало опять физически ощутимым, четко осознаваемым, объяснимо осязаемым.

Максим резко приподнял свое тело из положения лежа

на спине в положение сидя. Резкая боль волной охватила голову и также волной откатила в неизвестном направлении, оставив место пульсации в висках... Затылок немного саднил и побаливал. Молодой человек потрогал его, обнаружил осязаемую шишку и липкость на волосах.

Убедившись в отсутствии огромнейшей дыры и, вытекающих из нее на ладонь, мозгов Максим пресек, зарождающуюся было, панику.

Дескать, вот и все... Вот и конец... Мозги потекли и теперь я без мозгов... А значит придется умирать. Переселяться в тот самый край, который поглощает ушедших...

Нет. Мозги не вытекали. Рассмотрев при лунном свете свою ладонь, Максим еще и визуально в этом убедился. Всего лишь немножко крови на пальцах. Просто ссадина сзади, на затылке.

Чтобы приподняться на корточки он уперся руками в землю и... Сердце его чуть не сжалось в маленькую молекулу.левой рукой он уперся во что-то непонятно-мягкое, скользкое, чмокающемерзкое...

Руку отдернул, резко отпрянул в сторону и взглянул на причину, вызвавшую в нем такой животный страх... И от омерзения отпрянул с сторону еще дальше, вскочив на ноги и откинув себя прыжком спиной вперед. Не сводя, однако, глаз с того страшного предмета...

Насколько представлялось возможным рассмотреть что-либо детально в условиях лунно-звездного света на фоне

майской ночи тем пугающим предметом было какое-то животное небольших размеров...

Если точно: КОГДА ТО ЭТО БЫЛО ЖИВОТНЫМ. А вот какого вида – непонятно. Потому как живым данное животное назвать нельзя. Хотя бы по его расплывшемуся, полуразложившемуся, слизистому состоянию (отсюда чмокающемерзкое ощущение на ладони). Ну и из-за разложения животного не понятна классификация вида. Собака, кошка, лиса, волк, крошка-енот... Или еще кто?... Но не ежик..

Максим плюнул в сердцах, отвернулся и, решив не отвлекаться на такие малочегозначашие детали, как разлагающиеся желеобразные трупы непонятных животных, принялся оценивать обстановку...

Тело, судя по всему, цело. Без значительных погрешностей. Удивительное везение после полета из вагона мчащегося во весь опор поезда. Это внушало некий оптимизм. Но вот что касается всего остального... К примеру, где ОН ВООБЩЕ находится? И далеко ли ближайший населенный пункт?... С этим дела поинтересней... Попессимистичней...

КРУГОМ ЛЕС... НОЧЬ... ЛУНА... ЗВЕЗДЫ. Ласково ветер гладит по щекам. Успокаивает, наверное. Чтобы не сразу разрыдался истерическими слезами.

Затаившаяся тишина поглотила в себе другие звуки... Другие звуки...

А должны ли они быть? Звуки эти... Ну хотя бы гудки поезда. Но все звуки повисли в плотности атмосферы.

Вот тебе и сюрпризы жизни. Не бывает все одинаково и гладко...

«Маруся» – подумал Максим. Она же вместе с ним из поезда вылетела. Или он вместе с ней. Но, как фразу не переделывай, смысл остается один.

Они оба вылетели вылетели из вагона поезда, ехавшего в Ленинград. В данном случае где-то в Карелии. И больше пока ничего не известно.

Маруся. Необычная девчонка с недоверчивым взглядом волчонка, втянувшая его в столь сногшибательное волнующее приключение.

Где то же она должна находиться поблизости. Вероятность того, что она полетела из вагона мимо земли в неизмеримые дали ничтожно мала. Значит... Значит... Где то рядом... О том, что она, к сожалению, теперь уже не девочка, а труп девочки думать Максиму не хотелось.

Это бы вовсе не дополняло бы гармонично полуразложившийся труп неопознанного животного. Такого бы не хотелось... Нужно найти Марусю. Девочку, вызывающую раздражение, почти бешеную ярость. Надо же было ей нарисоваться, влезть, несоответствующим с его планами, дополнением. Максиму совсем не казалось, что его жизнь скучна и бездарна. И во всякого рода экстравагантно-роман-тических приключениях не нуждался. И в спутниках по извилистым ухабистым дорожкам этих приключений тоже не ощущал острой необходимости. Тем более в лице этой взбала-

мошенной девчонки, непонятно с какой целью путешествующей на поезде в одиночку, в таком нежном возрасте. Впрочем, возраст не оказался препятствием, запрещающим воровать кошельки... Так что надо отыскать девушку и все... ВСЕ ей высказать. Все про нее узнать... Обругать... Выпороть.

И видно будет, что дальше предпринимать...

* * *

В близлежащих окрестностях, освещенных лунным светом (хотя и лунным, но не совсем уж безнадежно тусклым) ни девчонки ни ее переломанного тела с выпученными от ужаса глазами не обнаруживалось.

Максим и кричал и свистел. Все тщетно. Как сквозь землю провалилась. Или полетела далеко в лес. Что, скорее, невозможно, чем может быть.

Максим в чувствах присел на какой-то пригорок. Злость на девушку возрастала. Но уже окрашивалась оттенками беспокойства. Не может же быть, что Маруся ловко успела зацепиться за поручни вагона и уехала на поезде дальше, в сторону Ленинграда. Не может же быть, что выброс Максима из поезда являлся запланированной акцией. Детально обдуманной. Бесчеловечной. Зачем? Да нет... Максим точно помнил, что вылетели они из вагона вместе. Он еще успел подумать, как бы девчонка не разбилась. Не о себе. Ни о том,

как бы самому уцелеть. А о девушке. О ее более комфортном расшибании головы о камни при столкновении с землей на внушительной скорости.

Или не было у него таких, заслуживающих всяческих похвал, мыслей?

Вообще никаких мыслей не было. Они уже потом придумались.

Когда он валялся без сознания на сочной ночной траве и слушал какие-то незнакомые стихи, шепчущие неизвестным голосом под аккомпанемент хрустальных божественных колокольчиков...

И с достоверной точностью не может Максим утверждать один он вылетал из вагона, либо в сопровождении юной дамы.

Он, запутавшись в собственных сомнениях, отчаянно помотал головой из стороны в сторону. Голова немного кружилась. Может плюнуть на поиски Маруси и лучше подумать какие меры к собственному спасению можно предпринять. К, примеру, направиться вдоль железной дороги в сторону ушедшего поезда...

Надо, наверное, так и сделать. **НО ВСЕ ЖЕ...** Ерунда это все. Они вдвоем из вагона выпали. И постараться найти девочку **НУЖНО...**

Хоть и дура маленькая, но все-таки жалко. Глаза у нее... Не ребенка, а волчонка, не доверяющего окружающему миру, брошенного одного в водоворот ужасной, полной злых

сюрпризов и кровожадных хищников, жизни. Красивые, впрочем, глаза...

У Максима перед глазами, почему то, отчетливо нарисовалась одна незначительная деталь: Маруся с расстегнутыми джинсами. Достает с внутренней стороны джинсов кошельки и швыряет их в ночную неизвестность... И возникла глупая мысль. Девчонка в трусы, что ли, эти кошельки прятала? Интересно, она полетела вдогонку за кошельками? И, в процессе увлекательного полета, застегивала джинсы на молнию или нет?

Совершенно нелепая мысль. Не несущая в себе практического смысла и важнейшей информации для понимания случившегося.

Максим усмехнулся. Вот что действительно важно так это то, что он, забыв о бдительности, выпил коньяка, любезно предложенного философом Акимом Петровичем. Ориентация в окружающем пространстве приняла неадекватность, отношение к окружающей действительности стало невнимательным. Девчонка точно все это уловила в Максиме. И воспользовалась его расхлябанностью. Так что девушка хоть и виновата, но она всего лишь использовала обстановку в своих целях. Прежде всего виноват сам Максим. Надо же!

Почувствовал себя взрослым, умудренным мужчиной. Целиком контролирующим ситуацию. Расслабился, видите ли. ВЫПИЛ... И, возгордившись, попал в неприятности...

В тишине нескончаемой ночи,
когда время течет не очень.
Когда время ползет втихомолку
и от света луны нет толка

Напишу письмо в невесомость,
сообщу о себе ТУДА новость,
что, наплевав на земные заветы
на все правила и обеты
на закаты и на рассветы,
я исчез с БЕЗРАССУДНЫМ ЛЕТОМ...

Отрешенно и медленно Максим проговорил эти стихи, печально вздохнул и посмотрел на луну. Как будто она может подсказать ответы на возникшие вопросы. Как будто она все знала, но эгоистично молчала, издевательски прикинувшись всего лишь прожектором.

Прожектором целенаправленно светящим именно в глаза Максиму.

Насмехаясь и подавляя еще пока не сломившуюся силу духа и волю к победе...

...Тихо так... Ночная тишина. Звуков цивилизации ниоткуда не доносится. И свет ни с каких сторон не мерцает. Искусственный свет. А только лишь лунно-звездный охватывает серебристо-бледным цветом поверхность земли, образуя огромные величественные тени и превращая скопление де-

ревьев в непроходимую сплошную стену. Непреодолимую до такой степени, что кажется и звук сквозь эту стену не в состоянии просочиться...

Видимо, и даже скорее всего, ближайшие населенные пункты находятся на значительном расстоянии отсюда. Хоть бы поезд какой-нибудь прошел... ТАК И ЭТОГО НЕТ. Как будто тот поезд, из которого Максиму посчастливилось вывалиться, был последним и больше поездов не будет. НИКОГДА. Эта часть железной дороги вообще недействующая. С этого дня. Точнее с этой ночи. Закрыта. Забыта. Перечеркнута на картах, как не имеющая значения. НЕ НУЖНАЯ СТАЛА. Не рентабельна...

Тихо... Но вдруг... Всклипывает, что ли, кто то? Плачет? Или кажется?

Максим насторожился. Как будто действительно кто то плачет... Там, в темной плотности леса.

Максим осторожно направился в наиболее вероятном направлении предполагаемого плача... Может, статья, и не показалось... И тогда...

И тогда... Силуэт чей то шевельнулся. И, похоже, силуэт, облаченный в кое – что светлое...

Максим ускорил шаг. Дальнейшее приближение убедило его в реальности существования плачущего кого то...

– Маруся! – сердце его учащенно забилося. Нашел! Отыскал! Уже лучше...

Он не вошел, влетел в заросли леса, раздвигая кусты, за-

пинаясь о камни...

– Маруся! С тобой в порядке?

Девушка, похоже, не спешила разделять с ним радость встречи. Она восторженно вскрикнула и, вытирая ладонями лицо (скорее слезы на лице), рванулась от Максима. В глубь темного леса.

– НЕ ПОДХОДИ КО МНЕ! – грозно процедила она сквозь зубы. Тем самым приведя парня в замешательство. Как это понять? «НЕ ПОДХОДИ!». Это что же? Это почему же? Не обращая внимания на грозное требование не подходить, он не остановился:

– Да что с тобой?!... Ты не... Ты не... У тебя руки целы?

Идиотский, конечно, вопрос. Но, по сути, верный. Главное руки были бы целы. Ну а потом ноги. Позвоночник. Голова. Нос на голове. Пальцы на руках. Пальцы на ногах.

– РУКИ?! – истерично завизжала девчонка, пятясь назад, – Шея только свернута! А так все зашибись! Идиот! Придурок! Сказала – не подходи! МАНЬЯК! Не прикасайся ко мне! Буду кричать!

Максим очень оторопел от такого потока лестных слов о себе. Вот это, называется, ПРИЕХАЛИ! Он же еще и идиот. К тому же маньяк.

– Кричи! Зови на помощь! – он тоже пребывал на эмоциональном взводе, – Давай! Девчонка! Может зайцы тебе помогут? Или волки с медведями? Ты что себе позволяешь? ДУРА!

– Сказала – не трогай меня!!! Ты зачем выбросил меня в лес из поезда? Чтобы надо мной поиздеваться! Вот зачем!!! Позабавиться! Сволочь! Маньяк! А с виду приличный.

Максима трясло от гнева. Оказывается ЭТО ОН ВСЕ ЗАДУМАЛ. ОН. А не она. Не она, оказывается, втянула его в эту гнусную историю.

Не она своровала эти кошельки. У него и у того огромного дяденьки. Не она открыла дверь вагона и стала выбрасывать кошельки наружу, в проносящуюся мимо ночь. Да... Максим мог бы к ней и не кидаться. Может быть и не вылетели б тогда из вагона. Но где гарантия, что она сама бы не выпрыгнула с поезда?

– Ты сама не понимаешь, что несешь! Я тебя не выбрасывал никуда. Это из-за тебя все получилось! Я не маньяк. Не кой черт ты мне сдалась? Влезла в мою жизнь!

– Говори, говори. Маньяк. Все маньяки так говорят. Зубы заговаривают.

– Можно подумать, что тебе везет на маньяков. Даже знаешь о чем они говорят.

– Молчи, придурок! – девушка все дальше удалялась в лес.

– Да стой же ты, соплячка! Не нужна ты мне.

– А раз не нужна, так что же ты за мной идешь? Потому что хочешь надо мной поглумиться. Я это точно знаю. Тогда бы ты не стал меня хватать и выбрасывать из вагона. Ты бы просто стоял в тамбуре и уговаривал меня успоко-

иться, закрыть дверь и не совершать глупостей... ТЫ – МАНЬЯК...

Максиму надоело высушивать эти раз и навсегда утвержденные выводы о своей личности. Которые сомнению, естественно, не подлежат.

Он, резко кинувшись к девушке, предпринял попытку близко к ней приблизиться, тем самым остановить ее дальнейшее убегание в темный лес и попытаться наладить более продуктивный диалог, а не выброс эмоциональных всплесков в адрес друг друга. Но не вышло... Споткнулся о ветку какую-то или палку... И грузно шмякнулся в траву...

Не успев приблизиться к девушке, чтобы можно было ее схватить...

– Ага! Опять ко мне бросаешься! – злорадно и истерично засмеялась Маруся, – Маньяк! Обхватить хотел! Повалить! Скрутить! Надругаться!

– Ну и дура..., – сплевывая, поднялся на ноги Максим. Зачем то отряхнул колени, – Послушай, Маруся. Я правда не желаю тебе вреда. Как видишь, я и сам в такой же ситуации, как и ты. Поверь мне. Надо что то решать...

– Решать?! Ты хочешь поймать меня и...

– Опять заладила свое, – оборвал ее Максим, – Если бы хотел, то зачем мне тебе зубы заговаривать? Я – мужчина. Значит сильнее. Все равно поймаю в этом лесу. Кроме нас двоих здесь никого нет. Хоть закричись. Зачем мне болтать с тобой?

– Затем, что так интересней. Молча – не интересно. Надо пообщаться с жертвой. Чтобы жертва покричала, поругалась или поумоляла о пощаде... Надо, чтобы изюминка была...

– Изюминка... Жертва..., – Максим устало улыбнулся, – Право же смешно... Если хочешь иди в этот лес. Я и без тебя обойдусь. Одному даже легче. Главное знаю, что ты жива. Ну и дальше выживешь. Наверное. Что мне до тебя?

– Вот, вот. Сделаешь вид, что тебе нет до меня дела, отвернешься, уйдешь. А сам все же будешь за мной следить, повышая тем самым предвкушение будущего надо мной глумления. Да, да. Будешь следить за моими действиями, фантазируя всякие гнусности... И потом выберешь момент, когда...

– Ну тебя понесло! Не надоело выдумывать? Успокойся и давай прекратим, наконец, неуместную перепалку... Мы, действительно, в скверном положении... Пойми это... Своими дурацкими опасениями на мой счет ты еще больше драматизируешь обстановку... Неужели я на самом деле похож на маньяка?

– Маньяки не выглядят монстрами... Они все симпатичны и милы. Вежливы, доброжелательны...

– И сколько таких милых маньяков тебе довелось повидать на своем коротком веку? Раз в полгода по злодею тебе встречается? Зимой летом? Зимний маньяк. Летний маньяк. Или весенний. Осенний. Начиная с тех пор, как тебе исполнился годик. Или раньше? И все они, маньяки, с удивительной стабильностью посещают тебя... Все эти симпатичные

маньяки... Ты, девочка, случайно не свихнулась?

– Заткнись, придурок... Я тебе не девочка... Сам то... Пацан... Даром, что солдат.

– Не называй меня придурком. Мала еще. Не девочка она, видите ли... Ну ведь и не мальчик. И с чего ты взяла, что я солдат?

– А кто же? На роже написано...

– Не хами, говорю.

– А ты сам хамишь. Малолеткой обзываешь...

– С твоими рассуждениями о маньяках на взрослую не тянешь.

– Вот и ищи взрослую. Со взрослыми рассуждениями. Здесь. В лесу. Куда ты меня выкинул.

– Я тебя не выкидывал. Я ведь и сам выпал из поезда.

– Нет, выкидывал. Тогда почему я здесь? А сам ты выпал из поезда, потому что так хотел.

– Неужели? А может это ты спрыгнула с поезда и меня с собой прихватила?

– Точно идиот. Я что с сумасшедшего дома сбежала? Я, что совсем рехнулась, по твоему, будучи молодой и интересной девушкой, выпрыгивать ночью на полном ходу поезда куда то в темный лес, прихватив с собой узколобого солдата?

– Какого солдата?

– Узколобого.

– Ну знаешь... Интересная девушка, – Максим чуть не лопнул от негодования, узнав о себе столь пикантную по-

дробность, касающуюся его интеллекта. Узколобого – значит тупого. Неотесанного дубину, – Ну знаешь, молодая интересная девушка... С необсохшим молоком на губах. Интересных девушек не выбрасывают из поезда живьем... Сначала стараются поухаживать...

– Да кто вас, маньяков знает! Чтобы по башке дать не обязательно ухаживать сначала.

– Тебе виднее... Знать предыдущие маньяки так и делали. Сразу в бубен тебе стучали. Без всякой учтивости... Наверное из-за твоего несносного характера каждый, изначально приличный человек, в итоге превращался в маньяка. Не мог терпеть больше твоих причуд. Нервы не выдерживали...

...Они все-таки смогли прийти к компромиссу. Достигли, так сказать, делового соглашения в виде некоего перемирия конфликтующих сторон. Отложили спор о маньяках, малолетках, дебилах пока в сторону, сохранив, впрочем, к друг другу недоверие и недоброжелательность. Воздержавшись временно от едких высказываний насчет умственных способностях, внешнего вида и полезности для общества друг друга, молодые люди согласились с необходимостью какое-то время действовать сообща. Покуда не выберутся из этой досадной переделки. А там с огромным удовольствием разбегутся в разные стороны. И вспоминать друг о друге будут только в неконтролируемых кошмарных снах.

– Только попробуй ко мне прикоснуться, – подытожила грозно Маруся, – Будь уверен УЖ Я СЕБЯ В ОБИДУ

НЕ ДАМ! Это я с виду такая хрупкая. Я давно не маленькая. И смогу оказать **ДОСТОЙНЫЙ ОТПОР** своему обидчику.

– Не сомневаюсь. От твоей невоспитанности любой с ума сойдет, назовется хоть маньяком, Лишь бы убежать от тебя, Выпрыгнуть из поезда, но только больше тебя не видеть и не слышать, – тоже подытожил Максим...

...Вот и ладненько... На том и порешили...

Максим мало впитал от своих родителей жажды новизны, приключений, способности во что бы то ни стало достигнуть поставленной цели. Достигнуть, не считаясь ни с какими лишениями, трудностями.

Когда неприятности не являются неприятностями, а всего лишь краткосрочными недоразумениями. Когда сама **ИДЕЯ** поглощает все добавочные неудобства. Во всяком случае пока еще такого он в себе не замечал и замечать не особо стремился.

Максим, в отличие от родителей, не обращавших внимание на комфорт, придающих важное значение закалки организма, не отличался спортивностью, больше ценил тишину и уединение, неторопливые размышления о душе. Любил смотреть на ночное небо, да и на дневное, когда в нем причудливо трансформировались облака из одной фигуры в другую. Ему все-таки ближе был внешний комфорт,

теплая постель, горячая ванна. Он совсем не являлся героем, способным годами бродить по лесам, лазить по горам, бороздить моря-океаны, мыться под дождем и постоянно обдуваться со всех сторон всевозможными ветрами. Он очень любил писать картины, читать стихи и размышлять о смысле жизни (в основном своей). Думать ЗАЧЕМ ОН? ПОЧЕМУ? ДЛЯ ЧЕГО? Есть ли, кроме этой жизни, какая-нибудь другая?

И как это УМИРАТЬ?

И абсолютно не способен действовать в условиях чрезвычайных ситуаций. Воспитание бабушки фундаментально на это повлияло. Ее учение не предполагало тусоваться на молодежных тусовках, ползать по горам, нырять с водопада, прыгать с парашютом, кидаться зимой в прорубь, выживать вне цивилизации. Зато предполагало духовно просвещаться, не ругаться матом, быть вежливым, скромным, кротким, чуть ли не религиозным. Так вот к условиям таким например, как оказаться черт знает где ночью в красной спортивной одежде, без денег, без воды, еды, ножа и компаса, да еще и в компании юной психованной дамы Максим оказался совершенно не готов.

И пребывал в растерянности, не зная, что и делать то. Армия, как ни странно, его тоже не подготовила к подобным прихотям судьбы. Что говорить, если он со своим талантом к рисованию сразу был замечен командованием и назначен на почетную должность штабного писаря.

Не беда, что должности такой официально нет. Для него почему то появилась. И начал оформлять афиши, агитационные плакаты и прочие подобные всякости. И тем самым был избавлен от ужасных марш-бросков, полевых выходов, сопровождающихся натертостями ног, переобуванием на морозе, проползанием на брюхе по свежей сочной грязи, отмерзанием пальцев, щек, ушей, терянием сознания и прочими романтическими дополнениями. Особенности прохождения службы Максимом не всеми товарищами по службе воспринимались равнодушно. Некоторые конкретно негодовали по поводу тепличных условий, которыми пользовался Максим. Сам то он не сильно и придавал этому какой то особенности. Просто так получилось.

Должность такая – в штабе все время торчать. Была бы другая должность выполнял бы другие обязанности.

Конечно и остальные связисты не были загружены полевыми учениями. Но все же... Все же считали Максима несправедливо приласканным командованием. Никто же и не старался вникнуть в особенности постоянного пребывания возле начальства. В то, что там есть свои нежелательные минусы... Так что, бывало, хотели завистники устраивать темную обнаглевшему рядовому Солдатову (наверняка еще и стукачу, как им казалось). Ночью ведь обнаглевший солдат находился, как и все, в казарме... Вот тут то и послал ему Бог Виталика, который тоже являлся представителем города-героя Ленинграда (а значит земляком). Виталик не был

писарем. С рисованием, пением и тому подобными дисциплинами дела у него обстояли плохо. Зато хорошо в спортивном отношении. Виталик и взял своего земляка, не отличавшегося физическими данными, под свое покровительство. И сдружился с ним.

Короче говоря, городской утонченный Максим оказался в сложных для него обстоятельствах, оказавшись в карельских лесах, вдали от цивилизации. Как выжить теперь, что предпринять не имел ни малейшего понятия. Этакую безрадостную картину дополняла необходимость взятия на себя руководящей роли, как старшего и более сильного.

Куда как обнадеживающе выглядит, когда к неподготовленному к трудным испытаниям добавили такого же спутника. Маловероятно, что юная городская школьница в лесах, отдаленных от цивилизации, чувствует себя, как рыба в воде. По всем показателям, как рыба не в воде. На суше. Или нет? Или все-таки... Может туризмом увлекается... Походами...

...Слабая надежда на умения умело действовать в подобных ситуациях, которыми могла бы обладать ученица какого-то там класса какой-то там школы затеплилась в паникующем мозгу Максима.

Эта же надежда и преградила дорогу к здравому размышлению, да направила ход дальнейших событий по определенному руслу.

Сделан один шаг, за ним другой, третий... И потянулась цепочка из взаимодополняющих друг друга моментов. И на-

чал нарастать снежный ком, слепляясь из приключений. Да пошли разрастаться круги на воде от нырнувшего камня. Да хлынула потоком вода из прорвавшейся плотины. Не остановишь, пока не вытечет вся...

...Маруся упорно доказывала, что, когда они еще не вылетели из вагона, видела вдалеке какие-то огоньки. Или огонек. И там точно, если не поселок, то домик какой-то. А значит люди живут. И они знают... Они подскажут, что дальше делать любителям прыгать по ночам в лес из движущего поезда... Хотя бы укажут направление к ближайшему населенному пункту.

А если по железной дороге идти, то неизвестно сколько сотен километров придется топтать, неизвестно в каком лучше направлении.

И поезд никакой не остановится, чтобы их подвезти. Не машина. Руками бесполезно голосовать.

Девчонка так убедительно все это доказывала, что Максим подумал, что она, скорее всего, имеет опыт в похожих прогулках. Ему очень сильно захотелось ей довериться. По крайней мере, это хоть ЧТО-ТО ОБНАДЕЖИВАЮЩЕЕ. Он и сам начал склоняться к тому, что огонек (или огоньки) в лесу гораздо ближе и достижимей, чем предполагаемые станции вдоль железной дороги. Не признаваясь девушке в своей постыдной некомпетенции, сурово молвил:

– Если взвесить все «ЗА» и «ПРОТИВ», думаю стоит дойти до этих огней. Хотя, наверное, опасно это. Может лучше

вдоль путей пойти?

– Опасно? Ты же мужчина. Солдат. Какая опасность? Вдоль путей... Иди... Сам же не уверен...

Максима покоробил выпад в его сторону. Чуть ли не плевок. В его лицо... Мужчина... Солдат... Сказала, как припечатала. И не отвертишься.

Надо держать марку. И, как ни крути, юная непосредственная неопытность девушки и уязвимая гордость молодого человека сделали свое дело...

Девчонка с воодушевлением ломанулась сквозь лес в поисках спасительного огня, ослепленная желанием побыстрее найти местных спасительных жителей, не думая о возможных опасностях.

Максим, без особого энтузиазма, потянулся за ней, сомневаясь, однако, в правильности выбранного решения. И обоим было не до того, чтобы хотя бы дождаться, когда рассветет... Светать то вот-вот начнется...

ПЛЕВАТЬ... РВАНУЛИ... ПО ЛЕСАМ КАРЕЛИИ...

...А надо было идти вдоль железной дороги. Но тогда бы это была совсем другая история... **ДРУГАЯ ИСТОРИЯ.** Она могла бы произойти... Но не с этими молодыми людьми.

– Черт! – выругался Максим, в очередной раз подымаясь на ноги после грузного падения на землю, – Эти прутья! Кочки... Совсем невозможно идти...

– Да-а-а, – протянула Маруся, – это тебе не в городе по асфальту дефелировать. Тебя под ноги учили смотреть?

Она, в отличии от своего незадачливого спутника, ни за что не запнулась и не шлепалась на землю на каждом шагу. Ее раздражали эти падения Максима, его неуклюжесть.

– Ты, вообще, умеешь более бесшумно ходить? А то на весь лес слышно твое продвижение по природе.

– Молчала бы. Тебе легче с твоими размерами и цыплячьим весом.

– А я и молчу. Это ты постоянно орешь то «Черт» то «Блин». Со своим кабаньим весом.

– Не цепляйся к словам. Я имел в виду ты легче и тебе проще. Почти летишь, не касаясь земли.

– Это ты намекаешь на то, что меня из вагона ветром выдуло, а не выбросило твоим жирным телом?

– Ничего я не намекаю. И не жирное у меня тело... Скорее наоборот.

– Вот и молчи... Наоборот...

– Сама молчи...

– Не ори на меня.

– А зачем ты кошельки воровала?

– Тебя забыла спросить. Тебе важнее сейчас выяснять эту мелочь, а не каким образом выпутаться из этого похода?

– Да. Важно и про кошельки знать. Благодаря этому мы в лесу, а не в поезде.

– Ну давай вали все на ребенка! Лишь бы себя обелить. Нечего было гнаться за мной. Все бы прошло благополучно.

– Благополучно для кого? Для тебя? Ты бы исчезла с день-

гами. А я бы... И тот мужик... Остались бы с носом...

– С носом... Вот-вот... Или еще с чем, – хихикнула девчонка.

– Еще с чем? С чем? – не понял шутки Максим.

– Тебе рано об этом знать. Маленький еще...

Максим секунду помолчал. Обдумал. Догадался. И начал психовать еще больше:

– Послушай ты! Ребенок невоспитанный... Что за гадости ты несешь? Как не стыдно? Дура школьная!

– Но, но... Следите за выражениями, товарищ солдат, который призван не обижать ребенка.

– Тебя обидишь! Ребенок... Сама же первая начинаешь.

– Опять я виновата! Ну что ты будешь делать? Я не знаю о чем ты там подумал. Я про голую задницу...

– Какую задницу?!

– Голую! – выкрикнула девушка, – Тупой что ли? Есть задница в штанах, а есть без штанов. ГОЛАЯ. Остались бы с носом и с голой задницей.

– А почему задницей?

– А ты про что подумал?

– ТЬФУ ТЫ! Вот же мелюзга несносная! Совсем меня запутала и в краску вогнала.

Маруся задорно рассмеялась:

– В краску его вогнали! Бедненький. Не переживай. С голой задницей и красной рожей с носом это же так необычно... Жаль в лесу никто не видит. Только я. Но я никому

не расскажу про то, как...

– Да помолчи...

Но Маруся не могла унять смех. Она даже остановилась, чтобы просмеяться:

– Вот умора! Как представлю тебя в таком виде, ищущего свой кошелек... Очень смешно выглядишь...

– Дура и есть...

– Дура не дура, а вылетели мы из вагона из-за тебя. Не тот дядечка вылетел, а именно ТЫ. Значит это ты глупец. И все из-за тебя!

– Потому что он не знал, кто у него кошелек умыкнул. Не то бы...

– Что не то бы? Прыгнул бы с поезда? Как это сделал ты? Сомневаюсь. Он бы точно не отделался легким испугом. А пробил землю на глубину 10 метров. Или бы растекся по ней огромным студнем.

– Я не прыгал с поезда... Это случайно вышло... Даже затылком ударился. Сознание потерял.

– Оно и видно. Был дураком стал еще дурнее. И в сознание вернулся какое-то неправильное. Не осознаешь настоящую правду.

– Ну ты и болтушка. Я даже не знаю как с тобой разговаривать.

– Вот и молчи, раз не знаешь.

– Сама молчи.

– Не ори на меня.

– Я не ору.

– Шепчешь. Даже уши заложило от твоего шепота.

– Сама ржешь, как лошадь. Смешно ей видите ли.

– Выбирайте выражения, товарищ солдат. Перед Вами все-таки дама.

– Ну уж ДАМА. С этой дамы снять джинсы и выпороть, как...

– КАК? Как козу? Сидорову? А почему только выпороть? Или сначала выпороть, а потом...

– Что ПОТОМ? Чего ты намеками меня какими-то закидываешь?

– Да ничего... Потом обратно джинсы одеть. Идиот. Точно были когда-то какие-то мозги и те вылетели при ударе головой через уши.

– Как это при ударе головой через уши?

– Да никак..., – Маруся раздосованно продолжила путь дальше, – какой-то ты неинтересный. Все тебе объясни доходчиво. Ты что с гор свалился?

– С вагона, – Максим двинулся за ней.

– Я не то имею в виду.

– Я понял. Я не с гор. Я из Ленинграда. А вот ты, похоже, из подворотни какой-то. С твоим стилем общения. Никакого приличия. С дурацкими шутками. Я тебе не ровня. И опыта у меня побольше.

– С Ленинграда он. Оно и видно. Сухарь. И в чем у тебя опыта больше? В нудности? Не знаешь, что такое лес... Хо-

тя нет. Врешь ты все. В Ленинграде не такие. Я там была. Там нормальные ребята. Простые. Там рок слушают. А ты из Вологды...

Максим оторопел. Как эта соплячка раскладывает то все складно.

– Почему из Вологды?

– Я откуда знаю почему ты из Вологды. Это у тебя надо спросить.

– Но я ведь не из Вологды.

– Из Вологды. Там все такие, как ты. Отсталые от жизни.

– Ты, что была в Вологде?

– Нет.

– Тогда почему утверждаешь то, чего не знаешь?

– Потому что знаю. Вот и утверждаю. У нас училка по русскому из Вологды. Такая же как и ты. ТУСКЛАЯ.

– Ну у тебя и описания человека... Мерзкие.

– Зато точные.

– А я все-таки из Ленинграда.

– Врешь ты все...

Болтовня девушки Максима удручала. Ему и так тяжело было осознавать свою никчемность при трудностях, он и так пытался выглядеть достойно мужчины. А эта малолетка издевается, сводит на нет его стремления оставаться хладнокровным и рассудительным. Господи, как это все нелепо. Почему ЭТО с НИМ случилось? Сейчас спал бы себе на уютной нижней полке в плацкартном вагоне. Приятно покачи-

вался бы вместе с этим вагоном. И скоро уже дома... У бабушки...

Максим чуть не выдавил скудную мужскую слезу, жалея себя горемычного, но только лишь тяжело вздохнул. Ничего не поделаешь. Придется поднапрячься и постараться выбраться из этой дурацкой переделки. Не ложиться же на землю меланхолично умирать. Вроде как-то не по мужски. Все-таки он солдат... Хоть и художник...

...Забрезжил майский прохладный рассвет.

– Маруся? – обратился он к девушке после некоторого молчания.

– Чего?

– Ты уверена, что мы правильно идем?

– Уверена, не переживай.

– Хорошо, если так... Сейчас бы покурить, – при этих словах он внимательно посмотрел на Марусю. Она никак не среагировала. Он повторил свое желание:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.